

Мария ГЕЛЬФОНД

Бродский как Баратынский: поэтика мифа и поэтика текста*

Выстраивая свою поэтическую генеалогию, Бродский неизменно называл своим предшественником Баратынского: с ним сопоставлял себя в поэтическом кругу «ахматовских сирот», его памяти посвятил одно из наиболее значимых ранних стихотворений, его — единственного из поэтов XIX века — удостоил эпитета «великий» в Нобелевской лекции. К теме «Бродский и Баратынский» исследователи обращались неоднократно**.

-
- * Материал, вошедший в статью, частично опубликован: *Гельфонд М. М.* Неоконченная статья Бродского о Баратынском (1965): текст и контекст // Вестник Владимирского гос. ун-та им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Серия: Соц. и гуманитар. науки. 2014. № 4 (4). С. 34–42; *Гельфонд М. М.* Баратынский в ленинградской поэзии 1960–1980-х годов // Иосиф Бродский: проблемы поэтики: сб. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 353–366; *Гельфонд М. М.* «Урания» Бродского и «Сумерки» Баратынского // Иосиф Бродский: стратегии чтения: мат-лы конф. М.: Изд-во Ипполитова, 2005. С. 341–351. Для настоящей публикации тексты существенно переработаны.
- ** *Pilshchikov I.* Brodsky and Baratynsky // *Literary Tradition and Practice in Russ. Culture: Papers from an Intern. Conf. on the Occasion of the Seventieth Birthday of Y. M. Lotman.* Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 1993. P. 214–228; *Ичин К.* «Запустение» Баратынского в поэзии Бродского // Возвращенные имена русской литературы: Аспекты поэтики, эстетики, философии: межвуз. сб. Самара: СамГПИ, 1994. С. 178–185; *Курганов Е.* Бродский и Баратынский // *Звезда.* 1997. № 1. С. 200–209; *Прохорова Т. Г.* Опыт типологического сравнения поэзии Иосифа Бродского и Евгения Баратынского // Ученые записки Казанского гос. ун-та. 2000. Т. 139: Слово и мысль Е. А. Баратынского: (К 200-летию со дня рождения). С. 110–118; *Петрович-Филипович М.* Мотив «конца» в цикле «Сумерки» Баратынского и сборнике «Урания» Бродского // *Sine arte, nihil:* сб. науч. тр. в дар проф. М. Йовановичу. Белград; М., 2002. С. 218–223; *Булкина И.* Баратынский и Бродский: «О собеседнике»

В настоящей статье хотелось бы подвести некоторые, пусть предварительные, итоги этого литературного сюжета, который, как нам представляется, развивался в двух основных аспектах. Первый — автобиографический миф Бродского, последовательно ассоциировавшего себя с Баратынским; второй — влияние старшего поэта на младшего. Первый связан по преимуществу с ранним творчеством Бродского, хотя и не ограничивается им, второй захватывает куда более значительный период — вплоть до книги «Урания», отчасти ориентированной на «Сумерки». Мы постараемся сохранять хронологическую канву восприятия Бродского поэзии Баратынского, оговаривая те случаи, когда она не подлежит точному восстановлению.

В рассказах о своей поэтической инициации Бродский неоднократно вспоминал эпизод, относящийся к его юности. В интервью Евг. Рейну он излагает его так:

Году в пятьдесят девятом я прилетел в Якутск и прокантовался там две недели, потому что не было погоды. Там же, в Якутске, я помню, гуляя по этому страшному городу, зашел в книжный магазин и в нем я надыбал Баратынского — издание «Библиотеки поэта». Читать мне было нечего, и когда я нашел эту книжку и прочел ее, тут-то я все понял: чем надо заниматься. По крайней мере, я очень завелся, так что Евгений Абрамыч как бы во всем виноват*.

Речь здесь идет об издании Баратынского, подготовленном Е. Н. Купреяновой**, а вот в датировке Бродский, вероятнее всего, ошибается: в 1959 году он был в экспедиции в Восточной Сибири, на Алданском щите***; пребывание же его в Якутске относится к июню 1961 года. Оно действительно было для Бродского судьбоносным. По воспоминаниям С. С. Шульца,

---

(Попытка реконструкции одного цикла) // Пушкинские чтения в Тарту. Вып. 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: к 85-летию Л. И. Вольперт: в 2 ч. Тарту: Tartu ülikooli kirjastus, 2011. Ч. 2. С. 494–507; *Иличевский А.* Метафизика крика и метафизика плача. Евгений Баратынский и Иосиф Бродский: метафора поэт-недоносок и метафора поэт-ястреб. URL: <https://www.netslova.ru/ilichevskii/metafizika.html>

* *Рейн Е.* Человек в пейзаже // Иосиф Бродский. Большая книга интервью / сост. В. Полухиной. М.: Захаров, 2000. С. 414.

** *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений / вступ. статья, подгот. текста и примеч. Е. Н. Купреяновой. Л.: Сов. писатель, 1957.

*** *Полухина В. П.* Иосиф Бродский: жизнь, труды, эпоха. СПб.: Журнал «Звезда», 2008. С. 37.

с Иосифом стало твориться что-то странное. Его охватила страшная ностальгия. За два года до этого во время полевого сезона в геологической партии умер молодой коллектор, 18-летний мальчик — Федя Добровольский. Иосиф глубоко переживал его смерть, посвятил его памяти два стихотворения. И вот во время бездейственного пребывания в этом крохотном поселке он почувствовал, что его душит смертельная тоска и предчувствие неотвратимой гибели*,

и покинул геологическую партию (что припомнили ему потом на суде в марте 1964 г.). Впечатление от поэзии Баратынского совпало тем самым с сильным жизненным потрясением, в результате которого Бродский «вернулся домой до срока и написал первые свои по-настоящему хорошие стихи»**; два месяца спустя, в августе, Е. Б. Рейн познакомил Бродского с А. А. Ахматовой***.

Мы не знаем, какие свои стихи имел в виду в этом случае Бродский. Вероятно, речь идет не о стихотворении «Памяти Е. А. Баратынского», которое датируется 19 июня 1961 года и было написано еще в Якутии. На фоне большинства ранних стихотворений Бродского с их настойчивыми повторами и экспериментами с дольником «Памяти Е. А. Баратынского» представляется абсолютно традиционным. Кажется, что в русле канона здесь выдержано абсолютно всё — от общего видения судьбы «поэтов пушкинской поры», явно коррелирующего со вступительной статьей Е. Н. Купреяновой («...он воспринял поражение декабристов и наступившую вслед за тем реакцию как полное крушение всех лучших стремлений и надежд своей юности»****), до 4-стопного ямба:

Поэты пушкинской поры,
ребята светские, страдальцы,
пока старательны пиры,
романы русские стандартны

летят, как лист календаря,
и, как стаканы недопиты,
как жизни после декабря
так одинаково разбиты*****.
<...>

* Шульц С. С. Иосиф Бродский в 1961–1964 годах // Звезда. 2000. № 5.

** Полухина В. П. Иосиф Бродский: жизнь, труды, эпоха. С. 49.

*** Там же.

**** Купреянова Е. Н. Е. А. Баратынский // Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1957. С. 10.

***** Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 4 т. / сост. и подгот. Г. Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд; Третья волна, 1992–1995. Т. 1. С. 60. Далее произведения Бродского, кроме специально оговоренных случаев, цитируются по этому изданию с указанием тома и страниц.

Стихотворение посвящено памяти Баратынского, но образ самого поэта как бы растворен в общем хоре поэтов пушкинской поры. Бродский создает обобщенный облик эпохи с ее пиршествами и разбитыми после декабрьского восстания жизнями. Собственно о Баратынском здесь напоминает лишь его болезненная попытка уединения («И та свобода хороша, / и той стесненности вы рады!») и смерть в Неаполе («...и смерть от родины вдали / приходит. Значит, слава Богу...»). В судьбе Баратынского не было ни «выкрика в толпе», ни забытой дуэли («вы забывали про дуэли»), да и предсмертный отъезд «за моря» был изначально вполне благополучным семейным путешествием, хоть и окончившимся трагически. Но Бродскому, очевидно, была важна не биографическая точность, а возможность эмоционального соприкосновения со старшим поэтом. «Смерть от родины вдали» — один из значимых страхов раннего Бродского: «Да не будет дано / Умереть мне вдали от тебя...» (I, с. 184); «Ни страны, ни погоста / Не хочу выбирать...» (I, с. 225). Кажется, именно благодаря этой точке сцепления Бродский пробивается через биографические штампы и к Баратынскому и к себе самому. В обращении к старшему поэту: «Смотри, как видела душа / одни великие утраты», — просматривается и позднее стихотворение Баратынского: «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...»* с его описанием души, отделенной от тела, и будущее стихотворение самого Бродского «На столетие Анны Ахматовой» (с которой, напомним, он познакомился почти тогда же, когда и с поэзией Баратынского):

Великая душа, поклон через моря
за то, что их нашла, — тебе и части тленной,
что спит в родной земле, тебе благодаря,
обретшей речи дар в глухонемой вселенной (III, с. 178).

В «Памяти Е. А. Баратынского» Бродский едва ли не впервые и без тени присущей ему иронии формулирует мысль о цели поэтического творчества:

Ну вот и кончились года
затем и прожитые вами,
чтоб наши чувства иногда
мы звали вашими словами (I, с. 61).

Так размышления о предшественнике, при всей их внешней тривиальности, подводят Бродского к мыслям о себе; советские

---

* *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений. С. 183.

историко-литературные клише соединяются с едва намечаемым кругом метафизических тем.

Описывая мировоззрение поэта в начале 1960-х годов, Я. А. Гордин подчеркивал, насколько важное место в нем «занял зрелый Баратынский с его недеклалируемой внутренней независимостью, подчеркнутой отстраненностью от гражданских бурь и стоическим стремлением осознать ужас земного существования»*. Жизнь Баратынского становится для Бродского своего рода эталоном жизни поэта: «Я помню, как Иосиф говорил, что именно Баратынский и поставил перед ним вопрос — поэт он или не поэт. И если поэт, то должен жить как поэт»**.

Последнее высказывание Я. А. Гордин датирует осенью 1963 года. А. С. Кушнер вспоминает о том, как годом раньше они с Бродским «наперебой читали друг другу Баратынского»***. Мемуарный очерк «Здесь, на земле...» А. С. Кушнер начинает словами:

В книге «Е. А. Баратынский» (издание «Библиотеки поэта» 1957 года), стоящей на моей книжной полке, на полях стихотворения «Запустение» красным карандашом напротив строки «Еще прекрасен ты, заглохший Элизей» сделана помета, полустершаяся от времени: «Бродский. Лето 62-года»****.

Именно в связи с Бродским А. Г. Найман вспоминал о влиянии Баратынского на ленинградских поэтов и своеобразном соперничестве с ним:

Мне кажется, что в нашей молодости для нас, во всяком случае, для него [Бродского] и для меня, особняком стояли стихи Баратынского «Осень». Это вершина русской поэзии, которую ты всегда чувствуешь и звук которой определяет вообще весь шум мироздания. Имея перед собой вот эту «Осень», я пытался что-то такое делать в своих стихах*****.

Как примета времени том Баратынского упоминается в стихотворении Е. Рейна «Дельта» (1976):

...вот полочка: стишки и детективы,
два номера «Руна» и «Аполлона»,

---

* Гордин Я. А. Переключка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники. СПб.: Пушкинский фонд, 2000. С. 146.

** Там же.

*** Кушнер А. С. Здесь, на земле... // Кушнер А. С. Тысячелистник: [стихи]. СПб.: БЛИЦ, 1998. С. 219.

**** Там же.

***** Найман А. Г. 13 июля 1989, Ноттингем // Полухина В. Бродский глазами современников. СПб.: Журнал «Звезда», 2006. Т. 1: 1996–2005. С. 35.

«Плейбой» и «Новый мир» и Баратынский,
тетради с выписками, все полупустые...*

Очевидно, что именно под мощным воздействием Бродского Баратынский постепенно обретает в поэтически кругах Ленинграда новый статус. По словам одного из лидеров неофициальной ленинградской культуры В. Кривулина, «Баратынский — это ключевая фигура для ленинградской поэзии. На поэтов 60-х, 70-х годов он имел влияние гораздо более сильное, нежели, скажем, Пушкин, Хлебников или Мандельштам»**. В какой-то мере Баратынский становится общим знаменателем, соединяющим подцензурную поэзию А. Кушнера и «дух культуры подпольной» В. Кривулина, подчеркнутое следование акмеистической традиции Е. Рейна или А. Наймана и неофутуризм «филологической школы». Формы восприятия Баратынского в ленинградской поэзии 1960–1970-х годов многообразны: эпиграфы, цитаты, развернутые вариации на заданные им темы***. Все это соотносится с общим процессом «возвращения Баратынского», отмеченного и в одноименной статье С. Б. Рассадина****, и в фильме режиссера С. И. Росточко «Доживем до понедельника», герой которого говорит, что Баратынского «уже перевели в первостепенные»*****.

Самоотождествление с Баратынским не могло, разумеется, не сказаться на восприятии Бродского в ленинградской литературной среде. Задолго до того, как Бродский в Нобелевской лекции процитировал строку Баратынского о «лица необщем выраженье», Кушнер адресовал ее самому Бродскому: «Приятель мой строг, / Необщей печатью отмечен, / И молод, и что ему Блок?»^{6*}. В стихотворении «Смотри же нашими глазами...» (1974), написанном

* *Рейн Е.* Избранное / предисл. И. Бродского. М.; Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1993. С. 261.

** *Кривулин В. Б.* Олег Охупкин. Поэт между Афинами и Иерусалимом // Русский мир: пространство и время русской культуры: альманах. СПб.: Русская культура, 2009. Вып. 2. С. 349.

*** *Гельфонд М. М.* Баратынский в ленинградской поэзии 1960–1980-х годов // Иосиф Бродский: проблемы поэтики. С. 353–366.

**** *Рассадина С. Б.* Возвращение Баратынского // Вопросы литературы. 1970. № 7. С. 96–106.

***** См. обсуждение этого эпизода на семинаре «Сильные тексты»: Сильные тексты. «Доживем до понедельника» (1968) — «Признание» (отрывок), Е. Баратынский, 12.02.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=QAXrDBq_QbU

^{6*} *Кушнер А.* По эту сторону таинственной черты: сб. СПб.: Азбука, 2011. С. 60.

на отъезд Бродского, возникает слово «пироскаф», отсылающее к предсмертному стихотворению Баратынского*:

Взойдя по лестничке с опаской,
На современный пироскаф,
Дуреху с кафедры славянской,
Одной рукой полубняв,
Для нас, тебя на горизонте
Распознающих по огням,
Проверь строку из Пиндемонти,
Легко ль скитаться здесь и там?***

С «Пироскафом» связано и значительно более позднее соединение имен Бродского и Баратынского в автобиографическом стихотворении Л. Лосева «Один день Льва Владимировича»:

У моря над тарелкой макарон
дней скоротать остаток по-латински,
слезоу увлажняя окоем,
как Бродский, как, скорее, Баратынский.
Когда последний покидал Марсель...****

Причем если у Кушнера слово-цитата актуализирует трагический контекст (предсмертный «Пироскаф» оказывается рядом с предсмертным же «Из Пиндемонти»), то у Лосева трагическое соединяется с ироническим, а ирония распространяется не только на лирического персонажа, но отчасти и на Бродского, выступающего в роли Баратынского.

Представляется, что вопрос о месте Баратынского в пушкинской плеяде был для Бродского действительно значимым. В разговорах с С. Волковым он вспоминал:

В свое время в Ленинграде возникла группа, по многим признакам похожая на пушкинскую «плеяду». <...> Каждый из нас повторял какую-то роль... Я, со своей меланхолией, видимо, играл роль Баратынского. Эту параллель не надо особенно затягивать, как и вообще любую параллель. Но удобства ради ею можно время от времени пользоваться****.

* Отмечено А. В. Кулагиным: *Кулагин А. В. «Пироскаф» Баратынского в современной поэзии // Кулагин А. В. Высоцкий и другие: сб. М.: ГКИЦМ В. С. Высоцкого, 2002. С. 156.*

** *Кушнер А. С. Смотри же нашими глазами... // То время — эти голоса: Ленинград. Поэты «оттепели»: [сб. стихов] / сост. М. Борисова. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 229.*

*** *Лосев Л. Собранное: [стихи, проза]. Екатеринбург: У-Фактория, 2000. С. 133.*

**** *Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета, 2000. С. 227.*

Баратынский в сознании Бродского, с одной стороны, в какой-то мере оттеснен на второй план (неслучайно и сам Бродский неизменно отдавал первенство Е. Рейну), с другой стороны, обладает тем неочевидным потенциалом, который позволяет ему стать если не первым, то «великим» (отметим, что это слово относится в Нобелевской лекции Бродского именно к Баратынскому).

Жизненная позиция Баратынского, его трезвое осознание катастрофичности бытия и зрелый стоицизм становятся для Бродского ориентирами и в период судебного процесса и последовавшей за ним ссылки. Дополнительно сближает младшего поэта с предшественником ситуация «северного изгнания» (служба Баратынского в Финляндии традиционно переосмыслялась в духе мифа о поэте-жертве). О своих впечатлениях от чтения Баратынского в тюрьме и на пересылке Бродский пишет И. Н. Томашевской, автору вступительной статьи и комментариев к изданию Баратынского*:

Все время — в «Крестах», на пересылках, в Столыпине — все время я читал (позволили брать книгу) Вашу статью в томике Баратынского. Она, по-моему, действительно замечательна, лишена всякого блесня (как, впрочем, все, от Вас исходящее), а своим разделением (эпигр., элгии и проч.) Вы превратили его <в> классика (нужен чисто формальный прием), за какового его никак не хотят признавать. По-моему, теперь (1946–1964) все стало на свои места, и при переиздании следует настаивать на таком его виде. Вообще-то, наиболее трогательное впечатление <его> стихи производят вперемежку, но если будет академич. издание, нужно, чтобы он принял именно такой вид, какой придали ему Вы. <Знакомые (в письмах) поговаривают, что, м. б., пришлют мне машинку; тогда (во что бы то мне ни стало) напишу о нем статью и пошлю ее Вам, если хотите. (Если напишу). Столько неубитых медведей! — машинка, напишу ли, захотите ли. Медведей! Простите, Ирина Николаевна!> **

В 1965 году, находясь в ссылке в Норенской, Бродский начал писать статью о Баратынском. Она не была завершена, впоследствии не публиковалась и сохранилась в ленинградском архиве поэта. Неоконченная статья представляет собой два листа машинописи с небольшой рукописной правкой Владимира Марамзина. Приведем ее текст целиком:

Русской литературе XIX века понадобилось всего сто лет, чтобы стать классической. Сто лет оказались критическим сроком, тем более что за это время в России произошли перемены социального и, следовательно, нравственного порядка, приведшие к общественной и духовной обстановке

* Речь идет об издании: *Баратынский Е. А. Стихотворения* / ред., статья и примеч. И. Н. Медведевой. М.: Гослитиздат, 1945.

** *Бродский И.* Письмо из ссылки // Постскрипум. 1996. № 2.

и атмосфере, прямо противоположным тем, в которых работали писатели минувшего столетия. За сто лет читатель не только увеличился, но и изменился. И чем больше находит через сто лет себе читателей автор, тем достоверней ценность и ощутимей значение его творчества. 14 июля с. г. исполнилось сто двадцать лет со дня смерти Евгения Абрамовича Баратынского. К столетию этой даты, т. е. двадцать лет назад (в 1945 г.) Гослитиздат выпустил в свет том стихотворений, составленный редактором И. Н. Медведевой. Критические сто лет и замечательная редактура подарили современному читателю великолепного поэта-классика. Собственно говоря, вероятно, не следует разделять роль времени и роль редактора, тем более что позволительно сказать, что последний является как бы следствием первого. До 1945 г. неоднократно предпринимались издания Баратынского, но книги производили довольно бессвязное, рыхлое впечатление, что, при всех необычайных достоинствах автора, все же несколько отдаляло от него читателя. Одним росчерком пера, т. е. разбив том на шесть разделов (элегии, послания, эпиграммы и т. д.), редактор книги 1945 г. представил нам поразительный в своей стройной ясности, законченности, целостности, устремленности, поистине классический образ поэта. Это воистину стройное здание, прекрасных пропорций, где все элементы подчинены внутреннему единству — единой мысли, которая опирается на них, как свод на стены. И возносится вверх — как свод. Баратынский умер 44 лет, и его поэтическое наследие уместается в одном томе. Тем не менее, все последующие литературные группировки, за исключением футуристов, — символисты, акмеисты, сменовеховцы и др., даже поэты пролеткульта поднимали его на щит и делали его своим знаменем. Но в конечном счете это не способствовало успеху его у массового читателя. Это обстоятельство интересно, пожалуй, только тем, что абсолютно различные по своим идейным и эстетическим устремлениям поэты в отношении Баратынского проявляли единодушие. Именуемый поэтом пушкинской поры, Баратынский принадлежит к ней только географически — по времени, по биографии. На самом деле в русской поэзии не было, пожалуй, явления более индивидуального, более ни с чем не совместимого...*

Незавершенная статья о Баратынском 1965 года представляет собой первый, насколько нам известно, литературоведческий опыт Бродского. Очевидно, изначально она предназначалась для публикации: об этом свидетельствуют перифразы идеологического характера. При этом в целом статья представляет собой не столько исследование поэтики Баратынского, сколько отзыв на подготовленное Ириной Николаевной Томашевской-Медведевой издание, вышедшее в Гослитиздате в 1945 году (о нем шла речь

---

* Архив Иосифа Бродского. Бродский Иосиф Александрович. [Е. А. Баратынский. К 120-летию со дня смерти]. Статья. Машинопись, правл. В. Р. Марамзиным. Ф. 1333. Ед. хр. 420. За помощь в обращении к архиву благодарю Д. Н. Ахапкина. Опись фонда <https://nlr.ru/manuscripts/dep/img/manuscripts/Opisi/1333.pdf>

и в адресованном ей письме). Расположение текстов, представленное в этом издании, действительно идет вразрез с общепринятыми эдиционными принципами: если традиционно (в том числе в двухтомнике «Библиотеки поэта» 1936 г. и в одномомнике «Библиотеки поэта» 1957 г.) тексты располагались в хронологическом порядке, то в этом издании доминирует жанровый принцип, представлявшийся очень важным для Бродского. Его внимание к расположению текстов в двух изданиях Баратынского (Гослитиздат — 1945 и «Библиотека поэта» — 1957) вряд ли стоит считать случайным. Как отмечает биограф поэта, период «северной ссылки» был связан для Бродского с кардинальной переменой мировоззрения: он «уехал в ссылку одним поэтом, а вернулся менее чем через два года другим. Перемена произошла не мгновенно, но очень быстро»*; «радикальные перемены произошли в структуре самой поэтической личности, и этому новому “я” понадобились новые формы самовыражения»**. Об этом пишет и сам Бродский И. Н. Томашевской-Медведевой: «Все как-то мелькает по сторонам, но дело не в нем. Внутри какая-то неслыханная бесконечность и отрешенность, и я разгоняюсь все сильнее и сильнее»***.

Настало время осознать себя автором книги стихов, и, вернувшись из ссылки, Бродский был обрадован, но вместе с тем и разочарован изданной в США книгой «Стихотворения и поэмы». По словам переводчика Дж. Клайна,

он испытал разочарование, увидев, как много в книге juvenilia 1957–1961 годов. У него также вызвали раздражение довольно многочисленные опечатки и некоторые ошибки, хотя, я думаю, он, несомненно, понимал, что невозможно было бы выпустить безупречную в этом отношении книгу, работая с самиздатскими материалами без какого бы то ни было контакта с автором****.

При подготовке следующей, действительно авторской книги, которой стала «Остановка в пустыне», Бродский не просто отобрал тексты, но и продумал их расположение внутри разделов. Несмотря на то что жанровый принцип не стал в нем определяющим, он сыграл, на наш взгляд, важную роль. Ключевые тексты каждого

---

* Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 109.

** Там же. С. 113.

*** Бродский И. Письмо из ссылки. URL: https://imwerden.de/pdf/brodsky_pismo_tomaschewskoi.pdf

**** Цит. по: Лосев Л. В. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. С. 134.

из разделов уже в своем заглавии содержат отчетливую отсылку к жанровой традиции: «Рождественский романс», «Большая элегия Джону Донну», «Из старых английских песен», «Сонет», «Песни счастливой зимы», «Развивая Крылова», «Элегия», «Почти элегия», «Новые стансы к Августе» и т. д. Таким образом, введение в научный оборот неопубликованной статьи Бродского о Баратынском позволяет предположить, что сюжет автобиографического мифа получил некое продолжение в первом опыте составления авторской книги. По отношению к «Остановке в пустыне» Бродский соединил роли автора и редактора — и, вероятно, опыт сопоставления разных изданий Баратынского, предпринятый им в Норенской, сыграл здесь не последнюю роль. Идея построения книги, как «свода», где «все элементы подчинены внутреннему единству», вероятно, восходит к сопоставлению двух изданий Баратынского.

Влияние, оказанное на Бродского поэзией Баратынского, оказалось более чем значительным. Тем более примечателен тот факт, что у Бродского сравнительно мало реминисценций из старшего поэта. Более того, они как правило не точны и не слишком узнаваемы*. В отличие от Кушнера или Кривулина, целый ряд стихотворений которых представляет собой развернутые вариации на заданные Баратынским темы (например, «Путешествие», «Эти вечные счета, расчеты, долги...», «Что ни поэт, то последний. Потом...», «Зародыши елей, дубов и сосен...» А. С. Кушнера или «Мураново», «Городская прогулка», «Брат Баратынский, нам дано...», «В плену основных мотивов...» В. Б. Кривулина), Бродский не отталкивается от стихотворений Баратынского как от начального импульса. Для него важны скорее общие принципы построения поэтического текста и цикла. В значительной степени поэтому многие статьи, посвященные воздействию Баратынского на Бродского, истолковывают совпадение текстов «только на очень высоком уровне абстракции, через сведение сопоставляемых текстов к расширительно толкуемым мотивам, которые, по сути дела, являются “общими местами” или топосами всей мировой поэзии»**. Вероятно, воздействие Баратынского на Бродского

* *Лосев Л. В.* Примечания // *Бродский И.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. СПб.: Вита Нова; Пушкинский Дом, 2011. Т. 1. С. 449–450, 476–477, 534, 621; Т. 2. С. 497.

** *Долинин А.* Воздушная могила: О некоторых подтекстах стихотворения Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба» // *Эткиндовские чтения II–III: сб. ст. по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда.* СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2006. С. 277. Впрочем, описывая литературоведческие работы, посвященные реминисцентным слоям

вообще обнаруживается на уровне не точечных реминисценций, а общих принципов структуры поэтического текста.

В сущности, именно эту мысль высказывает А. С. Кушнер, когда пишет, что «сложный синтаксис Бродского, его замечательная способность создавать “большие” стихи, рассчитанные на длинное, если можно так сказать, дыхание, сосредоточенность на подспудной мысли, поэтическом чувстве... нашли поддержку и поощрение именно в Баратынском...» * Разумеется, Баратынский далеко не единственный автор «больших стихотворений», даже в русской поэзии (которой круг чтения Бродского, конечно, не был ограничен). Вероятно, речь идет скорее о совмещении двух установок: на свободное развертывание большого поэтического текста, обусловленное не внешней, а внутренней логикой развития сюжета и вместе с тем — на афоризм, краткий парадокс, мгновенный итог или импульс поэтического высказывания. Отметим, что именно в парадоксальных афоризмах Бродского часто считается влияние Баратынского: от точной цитаты до варьирования мысли. Приведем несколько примеров: «Смерть — не скелет кошмарный...» («Холмы» Бродского) и «Смерть дочерью тьмы не назову я...» («Смерть» Баратынского)**; «Как жаль, что тем, чем стало для меня / твое существование, не стало / мое существование для тебя» («Postscriptum» Бродского) и «Чтоб для тебя я стал отныне / Чем для меня ты стал уже давно» («К Дельвигу» Баратынского)***; «Моя песня была лишена мотива, / Но зато ее хором не спеть. Не диво...» («Я всегда твердил, что судьба — игра...» Бродского; II, с. 276) и «Но поражен бывает мельком свет / Ее лица необщим выраженьем...» («Не ослеплен я музою своею...» Баратынского). Речь идет не только о точности цитаты, но и о способе ее включения в текст. Так, «Postscriptum», отталкивающийся от пуанта послания Баратынского к Дельвигу, в сущности представляет собой зеркальную вариацию «Признания» Баратынского (с той, разумеется, разницей, что Баратынский говорит о своей неспособности любить, а Бродский — о чужом равнодушии к себе). У Баратынского афористичный финал подводит итог развернутому сюжету любовных отношений («Не властны мы в самих себе...»),

---

в «Осеннем крике ястреба», А. А. Долинин делает исключение как раз для «Осени» Баратынского.

* Кушнер А. С. Здесь, на земле... С. 220.

** Лосев Л. В. Примечания // Бродский И. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 449–450.

*** Там же. С. 476–477; 451; Булкина И. Баратынский и Бродский: «О со- беседнике» (Попытка реконструкции одного цикла). С. 494–507.

у Бродского — становится исходной точкой, которая позволяет запустить ключевую метафору текста («Как жаль, что тем, чем стало для меня...»; II, с. 61).

Подобное соотношение риторического утверждения и сложного развертывания лирического сюжета часто определяет структуру «больших стихотворений» Бродского, что, разумеется, не означает, что он всякий раз непосредственно обращается к тем или иным текстам Баратынского. Так, начало «Пятой годовщины» («Падучая звезда, тем паче — астероид / на резкость без труда твой праздный взгляд настроит. / Взгляни, взгляни туда, куда смотреть не стоит»; II, с. 419) при всей иронической резкости корреспондирует с предпоследней, пятнадцатой строфой «Осени»:

Пускай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть заменит ее другая;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения ее далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Ее сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!*

Ориентированными на «Осень» Баратынского в целом представляется ряд «больших стихотворений» Бродского, обладающих строгой строфической организацией, как правило — с нумерацией строф. Нередко связь частей в целом у Бродского осуществляется через анафору, которую он, в свою очередь, называет «любимым приемом Баратынского»**, позволяющим «преследовать свою тему с почти кальвинистским рвением»***. Отметим, что этим приемом Бродский пользуется значительно чаще, чем Баратынский (сравним, дважды повторяющееся «И вот сентябрь» в «Осени» и трижды — «Жизнь моя затянулась» с варьированием, тоже тройным: «Время есть холод», «Холод похож на холод» и «Холод ценит пространство» в «Эклоге 4-й (зимней)»; III, с. 13).

Бродский ориентируется на опыт Баратынского не только в построении отдельного стихотворения, но и в структуре поэтической книги в целом. Как и в «Сумерках» основным приемом

---

* *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений. Л., 1957. С. 192–193.

** *Бродский И.* Из заметок о поэтах XIX века (перевод Л. Лосева) // Иосиф Бродский: труды и дни. М.: Независимая газета, 1998. С. 38.

*** Там же.

здесь становится чередование больших, нередко маркированных жанровой традицией стихотворений и «психологических миниатюр». В особенности последовательно этот принцип проявляется в архитектонике «Урании» — поэтической книги Бродского, само название которой восходит к стихотворению Баратынского «Последний поэт», входящему в «Сумерки»*. Здесь можно говорить не только о структурной, но и о мотивной переключке (авторы «Урании» и «Сумерек» были почти ровесниками: Баратынскому было сорок два, Бродскому — сорок три). Первое стихотворение «Урании» «Как давно я топчу, видно по каблuku...» отсылает к «Были бури-непогоды...» Баратынского: «Но и черной мысли толком не закрепить / Как на лоб упавшую косо прядь...» (III, с. 141) (у Баратынского: «Не положишь ты на голос / С черной мыслью белый волос»**). Старение осмысливается обоими поэтами прежде всего как трезвость и безыллюзорность мировосприятия. При этом сам конфликт смещается: у Баратынского он состоит в вытеснении поэзии наукой («Поклонникам Урании холодной / Поет, увы! он благодать страстей...»); Бродский отвечает предшественнику с позиций «поклонника Урании»: «Оттого-то Урания старше Клио. / Днем, и при свете слепых коптилок / Видишь: она ничего не скрыла...» (III, с. 64). Поэт у Бродского продолжает писать там, где герой «Последнего поэта» Баратынского покончил с собой. Ему открывается другое знание: вот почему в обоих поэтических книгах так важен мотив перехода, границы. Для Баратынского это существование за пределом всеобщей жизни трагично («Но не найдет отзыва тот глагол, / Что страстное земное перешел»***), у Бродского это единственно осмысленное для поэта бытие, диктующее нейтральность тона («До какой синевы могут дойти глаза? До какой тишины / Может упасть безучастный голос»; II, с. 462). То, что составляло смысловой стержень поздней поэзии Баратынского — трагический разрыв с читателем, невозможность обретения «отзыва» — становится для Бродского нормой бытия, в которой существует не столько «читатель в потомстве», сколько «прощенье и шрифт». Спасителен не человек, а язык.

В предисловии к «Антологии русской поэзии» Бродский поставил в особую заслугу Баратынскому «стойческую позицию и ясное видение лирического героя»****. Очевидно, что в данном

* Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. С. 238.

** Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. С. 183.

*** Там же. С. 192.

**** Бродский И. Из заметок о поэтах XIX века (перевод Л. Лосева). С. 38.

случае Бродский писал и о себе. Лирический герой Бродского — «постоялец, несущий в кармане граппу / совершенный никто, человек в плаще, / потерявший память, отчизну, сына» (II, с. 318) — наследник лирического героя Баратынского, обретшего «свет высок» в «немотствующей пустыне» (любимый Бродским «Бокал»)*. Назвав Баратынского в Нобелевской лекции «великим», Бродский не только сместил устойчивую иерархию масштабов, но и обозначил право поэта на тот тип видения мира и лирического высказывания, который был с юности близок ему самому.

---

* Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. С. 305.